

А. А. Данилевич, О. В. Петрова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Введение. Одной из тенденций в развитии уголовной юстиции современного периода является расширение прав лиц, которые вовлекаются в сферу уголовного процесса для защиты своих или представляемых интересов.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) предоставляет и обеспечивает подозреваемому и обвиняемому право на защиту – совокупность средств и способов, используя которые они могут защищаться от предъявленного им обвинения или выдвинутого подозрения, отстаивать свои законные интересы в ходе производства по уголовному делу (ст. 17 УПК) [1]. Потерпевший, гражданский истец и ответчик, как лица, заинтересованные в исходе дела, также обладают процессуальными правами, необходимыми им для защиты (отстаивания) их законных интересов (ст. 49–59 УПК).

Следует отметить, что государство обеспечивает возможность защиты только законных интересов личности (ч. 1 ст. 10 УПК)¹.

Существование конфликта интересов в уголовном процессе часто влечет за собой ненадлежащее использование участниками процесса своих процессуальных прав, например противодействие предварительному расследованию и судебному разбирательству, затягивание уголовного процесса и иных подобных действий, не направленных на удовлетворение законных интересов. Безусловно, такое поведение недопустимо, и в законе должны быть механизмы, позволяющие бороться с такими проявлениями.

---

¹ Понятие «законные интересы» в таком понимании не следует смешивать со случаями, когда таковые не опосредуются субъективными правами и отстаиваются напрямую.

В теории права, как и в ряде отраслевых наук, существует понятие « злоупотребление правом», рассматриваются пути преодоления указанного явления [2–7].

Уголовный процесс не знает такого определения. Вместе с тем следует указать, что в процессуальной науке все же обращались к теоретической разработке некоторых проблем обеспечения добросовестного использования процессуальных прав, хотя и редко. Непосредственно этого вопроса касались в своих исследованиях в 70-е гг. XX в., в частности, ученые Э. Ф. Куцова [8], В. Н. Шпилев [9].

Вместе с тем пределы реализации прав участниками уголовного процесса не выступали как самостоятельный предмет исследования. Следует определить особенности обеспечения добросовестного использования прав участниками уголовного судопроизводства и на этой основе сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Определение правовой категории « злоупотребление правом» в уголовном процессе. На проблему добросовестного использования субъективных прав обращали внимание достаточно давно. Исторически данный принцип сложился впервые в гражданском праве, где было сформулировано понятие « злоупотребление правом».

Норма ч. 1 ст. 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь предусматривает, что не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. А в соответствии с ч. 2 этой же статьи суду, хозяйственному или третейскому суду предоставлено право отказать лицу в защите принадлежащего ему права в случае злоупотребления им [10].

Цивилист В. П. Грибанов определил злоупотребление правами как особый тип гражданского правонарушения, совершающегося упра-вомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного общего типа поведения [2, с. 68].

Принцип недопустимости злоупотребления правами нашел свое закономерное продолжение в гражданско-процессуальном законодательстве. В гражданском судопроизводстве существует норма, что юридически заинтересованные в исходе дела лица обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами. Всякие попытки затянуть процесс или отклониться от существа дела

пресекаются судом (ч. 2 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [11]).

С развитием юридической мысли стало очевидно, что «принцип недопустимости злоупотребления субъективными правами является общим принципом права, выраженным в форме конституционного принципа» [12, с. 61]. Вместе с тем этот принцип, главным образом, относится к нормам морали. Право лишь в определенной части может обеспечивать добросовестность реализации субъективных прав.

В Конституции СССР 1977 г. данный принцип получил законодательное закрепление в ст. 39, согласно которой использование гражданами прав и свобод личности не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан [13].

В современной Конституции Республики Беларусь норма конструируется так, что она непосредственно определяет и способ противодействия злоупотреблению правами – их ограничение. Так, согласно ст. 23 Основного Закона ограничение прав и свобод человека допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [14].

Норму о недопустимости злоупотребления правами содержат основополагающие международные акты, определяющие права и свободы личности (ст. 29 и 30 Всеобщей декларации прав человека [15], ст. 5 Международного пакта о гражданских и политических правах [16], ст. 17 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [17]).

В связи с этим на современном этапе уже формулируется понятие «злоупотребление правом» как общеправовое. Так, например, В. И. Крусс определяет его как виновное деяние (действие или бездействие), прямо либо косвенно направленное против справедливого (конституированного) порядка общественных отношений, причиняющее ущерб и/или вред личным и/или общественным благам и не противоправным интересам лиц, выраженное в конкретизированных формах пользования правами и свободами человека и уполномоченного правоприменения [4, с. 49]. В то же время И. Е. Сенников характеризует злоупотребление правом как юридически допустимые социально вредные действия, направленные на осуществление субъективного права [6, с. 164].

Действительно участники правоотношений, не нарушая пределы своего субъективного права, могут причинять вред правам других лиц или интересам общества и государства. И такое поведение в обществе не может признаваться допустимым, в том числе и в уголовном процессе. Так, обвиняемый или потерпевший может подавать бесчисленное число жалоб, чтобы добиться отстранения от дела «неугодного» следователя, дознавателя и т. п. Обвиняемый может затягивать процесс, с тем чтобы дождаться истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности. Лицо может заявлять о возможном совершении в отношении его преступления, без должных на то оснований (например, для того чтобы найти потерянную вещь).

При этом следует обратить внимание на обеспечение недопустимости затягивания уголовного процесса. Норма п. 3 «с» ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляет право быть судимым без неоправданной задержки. Аналогичным образом п. 6 «е» Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью 1985 г. предусматривает необходимость предотвращения неоправданных задержек при рассмотрении дел и выполнения постановлений или решений о предоставлении компенсации жертвам преступлений [18].

Как и злоупотребление вообще, в уголовном процессе оно предполагает, что лицо действует в пределах предоставленных ему прав. В сфере уголовного процесса следует говорить об особом злоупотреблении правами – злоупотреблении правом на защиту, т. е. правом обращаться к компетентным органам государства и пользоваться соответствующими гарантиями при таком обращении.

Процессуальные права реализуются в уголовно-процессуальных правоотношениях, имеющих характер властеотношений. В связи с этим лицам, участвующим в уголовном процессе, достаточно сложно путем злоупотребления процессуальными правами достичь каких-либо материальных последствий, так как в уголовном процессе процессуальные права участников уголовного процесса могут быть реализованы только через соответствующие решения должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс.

Так, злоупотребление правом заявлять ходатайство влечет отказ в удовлетворении содержащихся в нем требований, так как, согласно ч. 2 ст. 137 УПК, ходатайство должно быть удовлетворено, если оно способствует всестороннему, полному и объективному исследованию

всех обстоятельств дела, обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса или других лиц. Соответствие указанным критериям проверяет должностное лицо, ведущее уголовный процесс.

Для уголовного процесса характерно, что злоупотребление правом нарушает в первую очередь публичные интересы – интересы правосудия, а нарушение прав и законных интересов других лиц играет второстепенную роль.

В юридической науке неоднозначно трактуется вопрос о том, можно ли считать злоупотребление правом правонарушением, и даже преступлением. Одни авторы считают, что злоупотребление правом может быть правонарушением [19, с. 32–33], другие, наоборот, считают, что, злоупотребляя правом, субъект всегда действует в пределах предоставленных ему прав, не совершая деяния, прямо запрещенные в законе [4, с. 47; 7, с. 14].

Представляется, что злоупотребление правом в определенный момент становится правонарушением, когда законодатель видит необходимость признать такое пользование правом социально опасным и запрещает это действие под страхом привлечения к ответственности, в том числе и уголовной. Криминализация злоупотребления правом при этом должна быть самой крайней мерой противодействия фактам злоупотребления правом. Вместе с тем в сфере уголовного процесса, где затрагиваются существенные конституционные права и свободы личности, государство должно прибегать к такой мере. Глава 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусматривает ответственность за целый ряд преступлений против правосудия [1].

В силу этого тот факт, что злоупотребление правом является преступлением, не говорит о том, что оно теряет свои характеристики.

Таким образом, в злоупотреблении правом в уголовном процессе следует выделить несколько элементов:

- 1) лицо действует в пределах предоставленных ему процессуальных прав;
- 2) лицо использует их не по назначению, преследуя незаконный процессуальный интерес;
- 3) лицо нарушает публичные интересы, интересы правосудия, а также субъективные права других лиц.

Такое злоупотребление может быть моральным проступком, правонарушением, а наиболее существенное – преступлением.

Механизмы предотвращения злоупотреблениями правом в уголовном процессе. Каковы же способы противодействия такому социально вредному феномену, как злоупотребление субъективными правами, и в уголовном процессе в частности. Заслуживает внимания позиция С. Г. Зайцевой, которая предложила следующую систему способов противодействия злоупотреблению правом: повышение качества нормативно-правовых актов и уровня осведомленности лиц, обладающих правом совершать юридически значимые действия; самозащита права; осуществление квалифицированной защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса в суде [3, с. 23]. Следует признать справедливым такую классификацию, так как она захватывает все этапы, начиная с момента появления нормы, представляющей определенные субъективные права, включает ее применение и заканчивает случаями, когда права других лиц уже нарушены.

Такой подход к борьбе со злоупотреблениями правами является актуальным в связи с появлением криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, назначение которой выявить и исключить такие нормативные модели (положения) правового регулирования, которые не вели бы к возникновению рисков криминогенного характера [20, с. 24].

Можно констатировать, что злоупотребление правом является частью риска криминогенного характера, который, по определению В. М. Хомича, всегда является как бы отклонением от действий, направленных на достижение социально полезного результата [20, с. 24].

Таким образом, проведение криминологической экспертизы нормативных правовых актов, регулирующих уголовно-процессуальные правоотношения, должно преследовать в том числе и задачу выявить возможности недобросовестного использования прав участниками процесса.

Представляется справедливым проследить механизм противодействия злоупотреблению правом не по стадиям его выявления, а по механизму воздействия на участников процесса. При этом вопрос о предотвращении злоупотреблением процессуальными правами в первую очередь поставим в отношении обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего, а также гражданского истца и гражданского ответчика как лиц, защищающих свои интересы.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает механизм, позволяющий обеспечивать надлежащее поведение участников процесса. В частности, Э. Ф. Кузьова определяет, что ограждению интересов

правосудия, а также интересов участвующих в процессе граждан от возможного злоупотребления обвиняемым своими процессуальными правами может служить, например: а) характер многих его процессуальных прав; б) возложение на обвиняемого обязанности указывать в определенных случаях мотивы реализации данного права; указывать, для установления каких обстоятельств возбуждается ходатайство о вызове свидетелей или получении других доказательств; в) определение законом допустимого срока пользования соответствующим правом; г) исключительность полномочия следователя, прокурора, суда выносить (в пределах компетенции) постановления, определения, приговор [8, с. 11–12].

При определении специфики противодействия злоупотреблению правами в уголовном процессе следует отметить в первую очередь специфику правоотношений в данной сфере и наличие широкого личного усмотрения правоприменителя при принятии решений и определении законности тех или иных требований граждан, на что справедливо обращает внимание В. Н. Бибило [21, с. 133].

С одной стороны, без правомочий, позволяющих использовать личное усмотрение, не обойтись, так как оно позволяет учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела. При этом, как справедливо замечается, «если бы его [правоприменителя] правомочия носили абсолютный характер, то о правозаконности не было бы и речи. Должна существовать свобода обжалования» [21, с. 133]. Действительно, возможность обжалования – конституционная гарантia, предусмотренная ст. 115 Основного Закона Республики Беларусь. Вместе с тем процедура обжалования процессуальных решений должна быть эффективной, в этом случае процессуальными гарантиями не обойтись, необходимы сильные институциональные гарантии объективности органов, которые полномочны рассматривать жалобы.

С другой стороны, вероятность того, что участники процесса будут использовать свои права по назначению, тем выше, чем меньше элемент личного усмотрения должностных лиц органа уголовного преследования и суда при принятии процессуальных решений. В таком случае гражданам будет проще соотносить свои действия с нормой закона. В связи с этим считаем возможным установить, какие ходатайства подлежат удовлетворению органом, ведущим уголовный процесс, в безусловном порядке. В настоящее время имеется лишь один случай, когда орган, ведущий уголовный процесс, не вправе отказать в удовлетворении ходатайств: суд не вправе отказать в удовле-

творении ходатайств о допросе в судебном заседании в качестве свидетелей лиц, явившихся в суд по инициативе сторон (ч. 3 ст. 322 УПК). Представляется, что таких случаев должно быть больше.

Вместе с тем при ограничении личного усмотрения правопримениеля по уголовным делам законодатель должен признавать приоритет прав и свобод личности. Устанавливать точные рамки действий представляется возможным тогда, когда по любому уголовному делу эти требования не будут приводить к ослаблению процессуальных гарантий.

Особую группу мер, направленных на пресечение ненадлежащего поведения обвиняемого или подозреваемого, составляют меры пресечения. Такие меры применяются в том числе с целью предотвращения действий со стороны обвиняемого, подозреваемого, препятствующих производству по уголовному делу (ст. 116 УПК).

По мнению В. Н. Шпилева, с целью пресечения злоупотребления обвиняемым своими правами допустимо применение к нему мер пресечения [9, с. 73]. Противником этой точки зрения выступает Э. Ф. Кузова, по мнению которой угроза применения мер пресечения – вплоть до заключения под стражу – в случае признания, что обвиняемый злоупотребляет правом, могла бы заставить его отказаться от использования своих прав; умалила бы фактическое значение предоставленных обвиняемому законом средств защиты [8, с. 13].

Представляется, что использование своих прав обвиняемым или подозреваемым может способствовать совершению действий, на предупреждение которых направлены меры пресечения – оказание незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, скрытие и фальсификацию материалов, имеющих значение для дела и т. п.

При этом применение мер пресечения дает возможность противодействовать ненадлежащему поведению обвиняемого и подозреваемого, не ограничивая их процессуальные права, но и закон при этом предоставляет дополнительные гарантии обвиняемым и подозреваемым. Так, например, п. 4 ч. 2 ст. 43 УПК предоставляет только обвиняемому, в отношении которого применена мера пресечения в виде заключения под стражу, право получить бесплатную юридическую консультацию до первого допроса. Иным обвиняемым такого права не предоставляется.

Развитие процессуального законодательства должно идти по пути расширения дополнительных гарантий, предоставляемых обвиняемым и подозреваемым, содержащимся под стражей, для обеспечения

принципа равенства граждан перед законом и равенства защиты их прав и законных интересов (ст. 20 УПК).

Для цивилистики самый основной способ противодействия злоупотреблению правом отказ в защите этого права (ч. 2 ст. 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Следует отметить, что такое положение не может быть применимым в сфере уголовного процесса: лицу не может быть отказано в защите прав (ст. 60 Конституции Республики Беларусь).

С одной стороны, не может быть отказано в защите прав, нарушенных преступлением. Принцип неотвратимости наказания требует, чтобы каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежало наказанию или иным мерам уголовной ответственности (ч. 4 ст. 3 УК) независимо от желания лиц, пострадавших от преступления.

Этот случай следует ограничивать от возбуждения дела по заведомо ложному доносу (ст. 400 УК), когда дело должно быть прекращено (п. 1 и 2 ст. 29 УПК). Напротив, любое лицо, в том числе и пострадавшее от преступления, может быть само подвергнуто уголовной ответственности за недонесение о преступлении (ст. 406 УК).

С другой стороны, существенность и тяжесть ограничений, налагаемых в ходе производства по уголовному делу или тех, которые могут быть возложены на лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, при вступлении приговора в законную силу, а также задача непривлечения невиновного к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 7 УПК) не позволяют говорить о возможности отказа в удовлетворении законных интересов подозреваемого и обвиняемого в целом.

Отметим, прежде всего, что, согласно ч. 3 ст. 10 УПК, никто не может быть принужден к исполнению обязанностей, не предусмотренных настоящим Кодексом, либо к отказу от своих прав. Так, отказ от защитника, возможный, согласно ст. 47 УПК, не является отказом от права иметь защитника (п. 6 ч. 2 ст. 41 и п. 5 ч. 2 ст. 43 УПК).

В соответствии со ст. 23 Конституции Республики Беларусь допустимы ограничения прав и свобод личности, предусмотренных Конституцией и международно-правовыми договорами Республики Беларусь с тем, чтобы не допустить злоупотребления ими.

В некоторых случаях закон предусматривает возможность ограничения времени использования процессуальных прав в случае злоупотребления ими. Так, злоупотребление правом выступать в судебных прениях влечет возможность председательствующего останавлив-

вать участвующих в прениях лиц, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу (ч. 3 ст. 346 УПК). Подобное правило закреплено и в отношении последнего слова обвиняемого (ч. 2 ст. 347 УПК).

Междунородно-правовые принципы признают возможность ограничить права обвиняемого и подозреваемого применением процессуальных мер обеспечения безопасности лиц, содействующих осуществлению правосудия [22]. В Республике Беларусь их применение регулирует глава 8 УПК. Они ограничивают такое основополагающее право обвиняемого и подозреваемого, как право допрашивать показывающих против них свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены (абз. д п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах).

УПК Республики Беларусь предусматривает возможность применения как процессуальных мер безопасности, так и иных мер (ч. 1 ст. 66 УПК). Ограничивают право обвиняемого и подозреваемого на защиту именно процессуальные меры: неразглашение сведений о личности и освобождение от явки в судебное заседание (ч. 1 ст. 66 УПК). Эти меры обладают общим признаком – обеспечивают анонимность лица, дающего показания против обвиняемого или подозреваемого. В связи с этим, например, И. Л. Петрухин считает, что должны применяться только организационно-технические меры [23, с. 138], т. е. те, которые не ограничивают процессуальные права обвиняемого.

Как свидетельствует анализ практики, в уголовном процессе Республики Беларусь признаются наиболее эффективными и достаточно широко применяются именно процессуальные меры. Причиной подобного положения является возможность огласить показания свидетелей и потерпевших в судебном заседании в случае их отсутствия (ст. 333 УПК), которой суды неоправданно широко пользуются. Так, в 2004 г. судами республики из-за неявки потерпевших откладывалось судебное разбирательство по 1303 уголовным делам, а по причине неявки свидетелей – по 1954 уголовным делам. В то же время к ответственности за неявку в суд привлечено только 382 лица [24, с. 3].

Безусловно, применение процессуальных мер обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию, необходимо. Вместе с тем закон должен содержать гарантии права стороны защиты опровергнуть показания, представленные стороной обвинения. В связи с этим представляется возможным обратиться к опыту стран Совета Европы.

Комитетом Министров 10 сентября 1997 г. были принятые Рекомендации № R (97) 13 государствам-членам, касающиеся запугивания свидетелей и прав стороны защиты. Данные рекомендации устанавливают принципы, в соответствии с которыми следует применять меры обеспечения безопасности лиц, содействующих осуществлению правосудия [22].

Анализ указанных рекомендаций позволяет сделать вывод, что решение о применении процессуальных мер обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию, которые предполагают сохранение анонимности свидетеля, должно приниматься судом с учетом мнения стороны защиты либо же под контролем суда. Такой порядок может гарантировать соблюдение интересов лиц, участвующих в деле. В связи с этим мы солидарны с мнением Д. Чанковой, что использование фигуры анонимного свидетеля допустимо только в случае, если будут предусмотрены надежные, необходимые механизмы проверки его показаний со стороны обвиняемого и его защитника [25, с. 100].

Вместе с тем в настоящее время указанные меры применяются любым органом, ведущим уголовный процесс. Мы считаем, что принимать решение о применении мер неразглашения сведений о личности (ст. 67 УПК) на стадии судебного разбирательства или освобождении от явки в судебное заседание (ст. 68 УПК) должен суд. При этом применение мер неразглашения сведений о личности на стадии предварительного расследования не должно автоматически влечь за собой применение этой меры на стадии судебного разбирательства.

Указанное выше свидетельствует, что ограничение прав и свобод личности в уголовном процессе возможно, однако оно должно сопровождаться дополнительными гарантиями прав обвиняемого, подозреваемого или иного лица.

Понятие « злоупотребление правом » и « злоупотребление публичным статусом ». Особенности правового положения адвоката. Участники уголовно-процессуальных правоотношений, как и участники иных общественных отношений, отличаются своей неоднородностью. В правоотношения вступают не только участники, защищающие свои интересы или представляемые, но и государственные органы и их должностные лица, наделенные властными полномочиями. В связи с этим можно говорить о недобросовестном использовании властных полномочий, на что обращает внимание, в частности, А. А. Малиновский [26, с. 70]. Аналогичной позиции придерживаются

и другие авторы, которые помимо понятия « злоупотребление правом» выделяют и понятие « злоупотребление публичным статусом» [5, с. 25].

Особое положение с точки зрения рассматриваемой проблемы составляет вопрос о предупреждении злоупотребления адвокатом своими правами. Для адвокатов, которые выступают в качестве защитников или представителей потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, добросовестное использование прав является не только процессуальной обязанностью, но и служебным долгом, как собственно и для иных профессиональных участников процесса, должностных лиц государственных органов и пр.

В настоящее время закон предусматривает ограничения защитникам (фактически адвокатам) в пользовании процессуальными правами – четкие пределы реализации предоставленных прав, с тем чтобы они не нарушали законных интересов обвиняемого или подозреваемого.

Так, защитник не вправе совершать какие-либо действия против интересов подзащитного и препятствовать в осуществлении принадлежащих ему прав; признавать подзащитного причастным к общественно опасным деяниям и виновным в совершении преступления вопреки его позиции; без поручения подзащитного заявлять о его примирении с потерпевшим, признавать гражданский иск и отзывать поданную подзащитным жалобу; самовольно прекращать свои полномочия и без согласия подзащитного передоверять полномочия по осуществлению защиты другому лицу (ч. 3 ст. 48 УПК).

Более детальные моральные требования к действиям адвоката содержат Правила профессиональной этики адвоката [27]. Вопрос о добросовестном пользовании процессуальными правами поднимает и ст. 18 Закона об адвокатуре [28].

При этом следует отметить, что обязанность осуществления адвокатом процессуальных прав по назначению не только моральная, но и правовая обязанность. Нарушение правил профессиональной этики адвоката является основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности (ст. 24 Закона об адвокатуре).

Следовательно, для предотвращения ненадлежащего поведения адвоката как профессионального участника уголовного процесса предусмотрены главным образом дисциплинарные санкции. Таким образом, одной из задач кодексов этики профессиональных участников уголовного процесса, в том числе и адвокатов, является нормативный запрет злоупотребления процессуальным статусом.

Заключение. Все указанное выше позволяет прийти к следующим выводам:

1. В злоупотреблении правом в уголовном процессе следует выделить несколько элементов:

1) лицо действует в пределах предоставленных ему процессуальных прав;

2) лицо использует их не по назначению, преследуя незаконный процессуальный интерес;

3) лицо нарушает публичные интересы, интересы правосудия, а также субъективные права других лиц.

Такое злоупотребление может быть моральным проступком, правонарушением, а наиболее существенное – преступлением.

2. Противодействию злоупотреблению процессуальными правами служит проведение криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов; наличие усмотрения правоприменителя при принятии процессуальных решений; возможность применения мер пресечения; возможность ограничить права и свободы граждан, предусмотренные Конституцией и международно-правовыми договорами Республики Беларусь; а в некоторых случаях – и криминализация фактов злоупотребления правом.

3. Личное усмотрение правоприменителя в уголовном процессе следует сократить, чтобы гражданам было проще соотносить свое поведение с нормой закона. Так, необходимо предусмотреть больше случаев, когда ходатайства участников процесса должны быть удовлетворены в безусловном порядке. При этом устанавливать точные рамки действий можно тогда, когда по любому уголовному делу эти требования не будут приводить к ослаблению процессуальных гарантий.

4. Ограничение прав и свобод личности в уголовном процессе возможно, однако оно должно сопровождаться дополнительными гарантиями прав обвиняемого, подозреваемого или иного лица.

Так, принимать решение о применении мер неразглашения сведений о личности (ст. 67 УПК) на стадии судебного разбирательства или освобождении от явки в судебное заседание (ст. 68 УПК) должен суд с учетом мнения стороны защиты. При этом применение мер неразглашения сведений о личности на стадии предварительного расследования не должно автоматически влечь за собой применение этой меры на стадии судебного разбирательства.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст по состоянию на 1 марта 2007 г.; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст по состоянию на 1 марта 2007 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007. – 740 с.
2. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. – М.: Рос. право, 1992. – 208 с.
3. Зайцева, С. Г. Злоупотребление правом как правовая категория: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С. Г. Зайцева; Волгоградская академия МВД России. – Волгоград, 2003. – 26 с.
4. Крусс, В. И. Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека / В. И. Крусс // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 46–53.
5. Селихов, Н. В. Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н. В. Селихов. – Екатеринбург, 2001. – 268 с.
6. Сенников, И. Е. Злоупотребление правом и социально допустимое поведение граждан / И. Е. Сенников // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – 2002. – Вып. 1. – С. 158–167.
7. Советников, И. В. Злоупотребление правом в избирательном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / И. В. Советников; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2006. – 26 с.
8. Куцова, Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание) / Э. Ф. Куцова. – М.: Юрид. лит., 1973. – 199 с.
9. Шпилев, В. Н. Участники уголовного процесса / В. Н. Шпилев. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1970. – 176 с.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.05.2007 г., № 233-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.
11. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 11 января 1999 г., № 238-З: в ред. Законов Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 285-З; от 31 декабря 1999 г. № 349-З; от 11 мая 2000 г. № 375-З; от 24 июля 2002 г. № 134-З; от 30 декабря 2002 г. № 171-З; от 4 января 2003 г. № 183-З; от 26 июня 2003 г. № 212-З; от 5 ноября 2003 г. № 246-З; от 19 июля 2005 г. № 37-З; от 22 декабря 2005 г. № 76-З; от 16 мая 2006 г. № 118-З; от 29 июня 2006 г. № 137-З; от 20 октября 2006 г. № 173-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электрон. ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.

12. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами / Г. А. Гаджиев // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 54–62.
13. Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1977 года // Консультант плюс [Электронный ресурс]. – М., 2007. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/conssccr/> – Дата доступа: 15.06.2007.
14. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
15. Всеобщая декларация прав человека: Принята и провозглашена Резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН, 10 дек. 1948 г. // Международные акты о правах человека: сб. докл. / сост.: В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – М.: Норма-Инфра-М, 2002. – С. 38–42.
16. Международный пакт о гражданских и политических правах: принятая и провозглашена Резолюцией Генер. Ассамблеи ООН, 16 дек. 1966 г. // Международные акты о правах человека: сб. докл. / сост.: В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – М.: Норма-Инфра-М, 2002. – С. 52–67.
17. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: Русская версия. – Страсбург: Совет Европы, 1996. – 62 с.
18. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью: принятая и провозглашена Резолюцией 40/34 Генер. Ассамблеи ООН, 29 нояб. 1985 г. // Международные акты о правах человека: сб. докл. / сост.: В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – М.: Норма-Инфра-М, 2002. – С. 169–171.
19. Малиновский, А. А. Злоупотребление правом (Основы концепции) / А. А. Малиновский. – М.: МЗ-Пресс., 2002. – 100 с.
20. Хомич В. М. Криминология правообразования / В. М. Хомич // Теория и практика правотворчества и правоприменения Республики Беларусь в условиях интеграционных процессов: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 13–14 апреля 2007 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: И. Э. Мартыненко [и др.]. – Гродно, 2007. – С. 23–25.
21. Бибило, В. Н. Отражение интересов в праве / В. Н. Бибило // Веснік БДУ: навукова-тэарэтычны часопіс Беларускага дзяржавнага ўніверсітэта. Сер. 3. Гісторыя. Псіхалогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2006. – № 3. – С. 128–133.
22. Recommendation No R (97) 13 of the Committee of Ministers to member states concerning intimidation of witnesses and the right of defense and explanatory memorandum // Council of Europe: Legal co-operation [Electronic resource]. – 2007. – Режим доступа: http://www.coe.int/t/e/legal_affairs/legal_co-operation/combatting_economic_crime/1_standard_settings/Rec_1997_13.pdf. – Дата доступа: 15.06.2007.
23. Петрухин, И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И. Л. Петрухин. – М.: Юристъ, 1999. – 392 с.
24. Калинкович, В. Роль вышестоящих судов в обеспечении права граждан на судебную защиту в уголовном судопроизводстве / В. Калинкович // Судовы веснік. – 2005. – № 3. – С. 2–4.

25. Чанкова, Д. Проблемы и тенденции в развитии болгарского уголовно-процессуального законодательства / Д. Чанкова // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 98–103.
26. Малиновский, А. А. Злоупотребление правом: теоретические аспекты / А. А. Малиновский // Журнал российского права. – 1998. – № 7. – С. 70–75.
27. Об утверждении Правил профессиональной этики адвоката: постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 27 июня 2001 г. № 15, в ред. постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 11 декабря 2002 г. № 35, от 26 августа 2004 г. № 30 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.
28. Об адвокатуре: Закон Республики Беларусь от 15 июня 1993 г. № 2406-XII, в ред. Законов Республики Беларусь от 06.07.1998 № 176-З, от 30.04.2003 № 193-З; от 29 июня 2006 г. № 137-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.